Человек из Кенневика: биологические данные в политическом контексте

Александр Козинцев

История с человеком из Кенневика – долгая и запутанная. Когда его обнаружили в 1996 г., судебно-медицинский эксперт Дж. Чаттерс, которому передали скелет, заявил, что у черепа европеоидный облик, а следовательно, это один из европейских первопроходцев «дикого Запада», убитый индейцами. Чаттерс пошел и дальше, предположив, что европейцы и были истинными первооткрывателями Нового Света. Так до недавнего времени думают и некоторые серьезные археологи, утверждающие, что предки индейцев – палеолитические обитатели Европы, которые мигрировали через замерзшую Атлантику на запад, пока не достигли Америки (Stanford, Bradley, 2012).

Однако для большинства исследователей древность скелета (по уточненным данным – 8,7–8,4 тыс. лет назад) служит свидетельством того, что человек из Кенневика – предок индейцев. А еще в 1990 г. в США был принят акт NAGPRA, требующий передавать все костные останки аборигенов и предметы их культуры, добытые путем раскопок, старейшинам племен для перезахоронения. Но каких именно племен? Тех, которые могут считаться прямыми потомками древних аборигенов. Без этой оговорки неизбежна межплеменная междоусобица. Узнав про результат радиоуглеродного датирования, индейцы, живущие поблизости в резервации – салиши (среди них те самые колвил, о которых мы уже читали) и сахаптины – затребовали останки. В ответ на это антропологи во главе с Р. Бониксеном подали в суд, заявив, что нет доказательств того, что останки принадлежат предку именно этих племен. На время судебного разбирательства доступ к скелету был запрещен.

Поначалу события развивались для ученых неблагоприятно – в 2000 г. министр внутренних дел США распорядился передать скелет индейцам. Потом Фортуна повернулась к науке лицом – в 2002 г. окружной судья опротестовал решение министра. Но лишь в 2004 г. ученым разрешили приступить к исследованиям. Результаты подведены в большой коллективной монографии, вышедшей в прошлом году (Owsley, Jantz, 2014). По краниометрическим данным человек из Кенневика оказался ближе всего к айнам, их неолитическим предкам и полинезийцам (Brace et al,. 2014; Jantz, Spradley, 2014). Казалось бы, покоиться кеневикскому человеку в музейном хранилище и ждать новых исследователей.

И вот только что над его головой вновь сгустились тучи. Авторы палеогенетической публикации (Rasmussen et al., 2015) утверждают, что этот человек был прямым потомком индейцев, причем – и это самое печальное – скорее всего, именно тех, которые уже требовали передать им останки. Генетики не отрицают выводы краниологов, но указывают, что такое же сочетание признаков прослеживается и у некоторых других индейцев, например, у арикара. Их вывод таков: генетические признаки информативнее морфологических.

С этим не согласны редакторы монографии о кенневикском человеке – Д. Оусли и Р. Джанц (Jantz, Owsley, 2003; Jantz, Spradley, 2014). Они указывают, что, по крайней мере, в случае с заселением Америки дело может обстоять как раз наоборот – именно морфологические признаки могут сказать нам больше. В самом деле, краниологические особенности человека из Кенневика вписываются в общую картину – палеоиндейцы не обнаруживают монголоидности, заметной в облике большинства современных индейцев. То же и по другую сторону Берингова пролива: верхнепалеолитические обитатели Восточной Азии, в отличие от современных, не проявляют морфологической монголоидности. И современные айны – потомки верхнепалеолитического населения Восточной Азии, монголоидны генетически, но совсем не монголоидны морфологически. Как и человек из Кенневика – но только это не свидетельствует, вопреки мнению Л. Брэйса, о прямом его родстве с айнами или их неолитическими предками. Речь, скорее всего, идет лишь о стадиальной близости.

Чем же может быть вызвано появление монголоидного комплекса в последующие эпохи? Параллельным и независимым возникновением монголоидной расы на двух континентах – Азиатском и Американском? Едва ли! Подобный «ортогенез» в отсутствие каких-либо селективных факторов, ответственных за возникновение монголоидного строения лица, выглядит неправдоподобно, особенно если учесть, что самые монголоидные группы американских аборигенов живут ближе всего к Азиатскому континенту, а наименее монголоидные – дальше всего. Поэтому очаг формирования монголоидной расы, скорее всего, был всего один, и находился он в Азии. Монголизация же предков индейцев была следствием одной или нескольких повторных миграций из Азии через Берингию, либо постепенного просачивания генов. Генетический градиент монголоидных маркеров в современных популяциях Америки – постепенное убывание их доли с севера на юг – свидетельствуют именно об этом.

Почему же в случае с Кенневикским человеком возникло противоречие между генетическими и морфологическими данными? Быть может, это противоречие лишь кажущееся? Генетический анализ, точнее, то, как его интерпретируют авторы, приводит, собственно, к довольно тривиальному выводу – кенневикский человек ближе к *современным* индейцам, чем к *современным* монголоидам Азии. Иного и ожидать было нельзя. А вот возможные предки индейцев на территории Азии в работе не фигурируют. Не использованы генетические данные ни о верхнепалеолитическом ребенке из Мальты – вероятном сибирском предке индейцев (Raghavan et al., 2014), ни о минусинских окуневцах раннебронзового века – их вероятных «двоюродных братьях» на территории Сибири (Kozintsev et al., 1999; Allentoft et al., 2015).

Но и при анализе современных популяций обнаруживается, что ближе всего к индейцам жители Алтае-Саянского нагорья

(Dulik et al., 2012). Это, кстати, подтверждается и мужской наследствнностью человека из Кенневика (Y-хромосомная гаплогруппа Q-M3), и женской (митохондриальная гаплогруппа X2a) – обе гаплогруппы имеют корни в Южной Сибири. Случайно ли, что и Прибайкалье, где жил ребенок из Мальты, и Минусинская котловина, где обитали окуневцы, расположены в том же регионе? Все это свидетельствует о южносибирской прародине индейцев.

Черепная морфология окуневцев – не монголоидная и не европеоидная, а «нейтральная», как и у кенневикца. Так, при всем их разнообразии, могли выглядеть представители бореального надрасового ствола – еще не разделившиеся предки европеоидов, монголоидов, айнов и индейцев (Козинцев, 2013, 2014). Выходит, что и в суждении Чаттерса присутствовало зерно истины.

Судя по всему, генетическая общность этих групп сформировалась раньше, чем возникла монголоидная морфология. Второе, более позднее, событие, видимо, просто не фиксируется в геноме «с высоты птичьего полета» – здесь нужен целенаправленный анализ. Вот почему морфологические детали, подобные монголоидному строению лица, вес которых и в фенотипе, и в генотипе совсем невелик, могут, тем не менее, оказаться более информативны для реконструкции популяционной истории Американского континента. И вовсе не факт, что перед нами такой уж «прямой» предок нынешних обитателей близлежащей резервации. А ведь именно от этого зависит дальнейшая судьба останков!

Но слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Генетики сказали свое веское слово, быть может, поспешное. Вряд ли они думали о последствиях; а если думали и сознательно руководствовались политкорректностью, то тем хуже. В детали углубляться никто уже не будет – и ждут человека из Кенневика похороны со всеми почестями. Теперь уже окончательные. Жаль, ведь генетически исследован лишь крошечный кусочек кости и далеко не весь геном. Кто знает, может быть будущие исследования позволили бы выявить детали, от нас пока скрытые. Но больная историческая совесть американцев, их политкорректность и новоявленный индейский фундаментализм – вся эта злоба дня окончательно перевесила любые научные соображения.

Козинцев А.Г., 2013. Расовая классификация в свете новых генетических данных // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб: МАЭ РАН. С. 62–69 (http://antropogenez.ru/article/644/).

Козинцев А.Г., 2014. Европеоиды, монголоиды, австралоиды: стадиальность или метисация? // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб: МАЭ РАН. С. 25–33 (http://antropogenez.ru/article/747/).

Allentoft M.E., Sikora M., Sjogren K.-G. et al., 2015. Bronze Age population dynamics and its impact on modern Eurasian genetic structure // Nature. Vol. 522. № 7555. P. 167-172.

Brace C.L., Seguchi S., Nelson F.R. et al., 2014. The Ainu and Jomon connection // Kennewick Man: The Scientific Investigation of an Ancient American Skeleton / eds. Owsley D.W., Jantz R.L. College Station: Texas A&M University Press. P. 463-471.

Dulik M.C., Zhadanov S.I., Osipova L.P. et al., 2012. Mitochondrial DNA and Y chromosome variation provides evidence for a recent common ancestry between Native Americans and indigenous Altaians // American Journal of Human Genetics. Vol. 90. № 2. P. 229–246.

Jantz R.L., Owsley D.W., 2003. Reply to Van Vark et al: Is European Upper Paleolithic cranial morphology a useful analogy for early Americans? // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 121. № 2. P. 185-188.

Jantz R.L., Spradley M.K., 2014. Cranial Morphometric Evidence for Early Holocene Relationships and Population Structure // Kennewick Man: The Scientific Investigation of an Ancient American Skeleton. College Station: Texas A&M University Press. P. 472-491.

Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.G., 1999. Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 108. № 2. P. 193–204.

Raghavan M., Skoglund P., Graf K.E. et al., 2014. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans // Nature. Vol. 505. № 7481. P. 87-91.

Rasmussen M., Sikora M., Albrechtsen A. et el., 2015. The ancestry of Kennewick Man // Nature June 18. DOI: 10.1038/nature14625.

Stanford D., Bradley B., 2012. Across Atlantic Ice: The Origin of America's Clovis Culture. Berkeley: University of California

Press.